Л. М. Кравченко

ТИПОЛОГИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ РЕАКЦИЙ НА ДИРЕКТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПЕРСОНАЛЬНОМ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Приведена типология вербальных реакций немецкоязычного адресата на директивные высказывания говорящего в разновидностях персонального и институционального дискурса. Проанализированы факторы, определяющие тип вербальной реакции.

Ключевые слова: адресат, вербальная реакция, директивные высказывания, персональный дискурс, институциональный дискурс.

L. Kravchenko

TYPOLOGY OF VERBAL RESPONSES TO DIRECTIVE UTTERANCES IN PERSONAL AND INSTITUTIONAL GERMAN DIALOGICAL DISCOURSE

A typology of verbal responses of German addressees to directive utterances in different types of personal and institutional discourse is suggested. The factors determining the type of verbal responses are analyzed.

Keywords: addressee, verbal response, directive utterance, personal discourse, institutional discourse.

Данная статья посвящена описанию результатов исследования реактивных речевых актов (далее — РА) адресата в ответ на директивные высказывания говорящего в немецком диалогическом дискурсе, изучение которых предполагает учет корреляции инициативной и реактивной реплик в составе диалогического единства (далее — ДЕ).

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью дальнейшей разработки частных проблем диалогической коммуникации, связанных с построением универсальной типологии РА, с социальной значимостью директивных речевых актов (далее — ДРА) и вербальных реакций на них в процессе межличностной коммуникации, с потребностью систематизации средств выражения последних как наименее изученных и выявления характера их использования в разных типах дискурса.

Объектом предпринятого исследования стали МДЕ (минимальные диалогические единства), включающие реплику-стимул со значением волеизъявления и реплику-реакцию.

В качестве предмета выступают закономерности их корреляции со стимулирующей репликой, а также функционирования в разных типах дискурса с учетом влияния лингвистических факторов, определяющих выбор соответствующего типа реакции (вид ДРА и способ его реализации), а также факторов экстралингвистического характера (тип дискурса и ситуация общения, социальный

статус, возраст, уровень образования коммуникантов и др.).

Цель исследования заключается в проведении комплексного лингвистического анализа реактивных РА адресата в ответ на директивные высказывания с учетом тенденций и закономерностей в использовании адресатом тех или иных видов РА в зависимости от типа дискурса.

Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

– выделение и классификация основных типов речевых реакций на волеизъявление говорящего и средств их выражения;

– анализ факторов лингвистического и экстралингвистического характера, влияющих на выбор типа реакций и способа их языкового оформления;

– выявление особенностей функционирования речевых реакций на директивные высказывания в разных ситуациях общения.

Приняв в качестве основы таксономию РА Дж. Серля [2, с. 170–194], построенную на критерии иллокутивной силы, а также деление ДРА на реквестивы, прескриптивы и суггестивы [1, с. 20], мы проанализировали 2800 диалогических единств, выделенных из транскриптов аутентичных интеракций шести корпусов (диалоги взрослого с ребенком, телефонные диалоги частного характера, телефонные диалоги институционального характера (консультации с психологом), вузовские консультации, диалоги среднего медперсонала с пациентами). Для выявления факторов, детерминирующих вариативность реакций адресата, собранный фактический материал был разделен в соответствии с типом дискурса (персональный и институциональный) и с прагматическими особенностями коммуникативной ситуации, что соответствует нашей гипотезе об обусловленности характера реакции типом дискурса.

Для анализа специфики речевого общения в рамках персонального дискурса нами был привлечен зафиксированный графически корпус диалогов между взрослым и ребенком, являющихся примером общения неравностатусных коммуникантов, а также корпус телефонных диалогов (ТД) частного характера между коммуникантами с равным статусом.

Типология директивных стимулов в ДЕ типа «взрослый—ребенок» выглядит следующим образом: ДРА вопроса (55,41%), побуждения (13,13%), предложения (12,28%), просьбы (8%), запрещения (5,43%), совета (2,86%), предупреждения (2,84%). В ДЕ «ребенок—взрослый» среди ДРА адресанта зафиксированы: ДРА вопроса (66,86%), просьбы (14,28%), побуждения (8,84%), предложения (5,15%), предупреждения (2,86%), запрещения (2%). В частных ТД адресант инициирует следующие ДРА: вопроса (29,97%), просьбы (20,28%), предложения (14,86%), совета (14%), приглашения (10,29), инструкции (7,14%) и побуждения (3,43%).

Как явствует из приведенного перечня, в качестве наиболее распространенного директивного стимула в разных типах диалогов персонального дискурса выступает ***вопрос***. Однако вследствие того, что соотношение разных типов директивных стимулов в исследуемых типах диалогов существенно разнится, процентная доля вопросов в каждом из них также значительным образом отличается. Так, наибольшую частотность он проявляет в диалогах «ребенок—взрослый» (66,86%), что объясняется

познавательными способностями ребенка, и в диалогах «взрослый—ребенок» (55,41%), что обусловлено дидактическими целями данных интеракций. В частных ТД удельный вес ДРА вопроса значительно ниже (29,97%), хотя и здесь вопросы также превалируют. Наиболее типичными реакциями на вопросы во всех интеракциях персонального типа являются репрезентативы в полном или эллиптическом варианте. Последний следует наиболее часто (10,6%) в качестве реакции на вопрос в интеракциях «взрослый—ребенок»:

*MOT: und was fruestueckst du #?

***CHI:Saft#1 [**4: 90-06-24].

Довольно распространенными типами реагирования на вопрос в интеракциях «взрослый—ребенок» являются также коммуникатив (7,75%) и коммуникатив+ПП (4,43%), позволяющие реализовать весь спектр возможных ответных реакций от положительной до негативной:

*MOT: hast du eigentlich der Susanne schon gezeigt wie du Fahrrad fahren kannst #1?

***CHI: nae #7 nae # hab ich ueber # haupt naech #1 [**4: 90-05-22].

Адресат-взрослый же реагирует на ДРА вопроса ребенка чаще всего репрезентативами, реализованными ПП в полноструктурном варианте (25,6%), что оправдано с точки зрения лингводидактических задач в интеракции с ребенком:

*CHI: du ho # was ist # dis fuer ein Faltpapier #?

***MOT: dis ist Transparentpapier # damit kann man Laternen machen und so** [4: 90-07-12].

Довольно высокая частотность употребления ДРА вопроса (10,7%) адресатом-взрослым обусловлена необходимостью уточнения некорректно заданных или грамматически неверно построенных вопросительных стимулов ребенка:

*CHI: wo ist jetzt #?

*** MOT: die Sylvia # oder die Crème #1?**

*CHI: die deine Crème #1.

*MOT:die ist im Badezimmer [4: 90-06-27].

В частных ТД адресат демонстрирует свою готовность к речевому взаимодействию при помощи развернутых повествовательных конструкций (4,37%) и вопросительных предложений (2,4%). Эллиптическая конструкция (1,02%) приемлема только в ответ на ДРА вопроса конкретного характера.

Важной особенностью частных ТД является то, что в начальной фазе для инициирующих ДРА вопроса адресанта наиболее характерны следующие модели: фамилия адресанта *(Brons-Albert?)* и сигнал начала разговора *(ja?)*. Вопросительная интонация, характерная для обеих моделей, является при этом единственным выразителем директивной иллокуции (запрос о цели звонка). Между моделью самоидентификации адресанта, являющейся одновременно директивным стимулом для адресата (запрос о цели звонка) и типом реакции адресата существует непосредственная связь. Так, модель I, являясь вариантом полной самоидентификации, предполагает, как правило, речевую реакцию адресата, выражаемую формулой «ритуальная формула приветствия + репрезентатив с целью самоидентификации звонящего (факультативно) + репрезентатив (формулирование цели звонка)», в то время как модель II, представляя собой неполный и косвенный вариант самоидентификации, провоцирует в ответ ДРА вопроса (попытка идентификации адресанта) или

ДРА просьбы (позвать к телефону желаемого абонента).

Следующим, весьма распространенным директивным стимулом, общим для всех интеракций персонального типа, является ДРА ***просьбы***. Наиболее распространены они в частных ТД (20,28%), несколько реже прибегают к просьбам адресант-ребенок (14,28%) и адресант-взрослый (8%). Если ребенок в ответ на просьбы в большинстве случаев реагирует репрезентативом (0,32%), эксплицированным ПП и реализующим согласие/отказ, или комиссивом, вербализованным коммуникативом + ПП (0,14%), то наиболее частотными реактивными структурами адресата-взрослого в ответ на просьбы ребенка являются ПП (0,98%) и ВП (0,82%). В частных ТД были зафиксированы те же способы реагирования на просьбы: коммуникатив + ПП (1,97%)/ПП (1,27%) и ВП (0,58%):

A: Hm... Ich kann ja schlecht sagen, grüß die Familie!

B: Nee! Neenee, dat unterlaβ ik im Moment lieba noch! [3, s. 109];

C: /wenn ihr dann zurück seid, rufter mich ma an, da komm ich dann vorbei.

B: Un dann bisde weg, ne? [3, s. 149].

Третье место по частотности среди директивных стимулов адресанта во всех трех типах интеракций занимают ДРА ***предложения***. Чаще всего они обнаруживаются в частных ТД (14,86%), несколько реже (12,28%) — среди директивных стимулов взрослого, ребенок же использует ДРА предложения довольно редко (5,15%). Наиболее частотная реакция адресата-ребенка на предложения — сочетание коммуникатива с ПП (0,7%) или коммуникатив (0,39%), оформляющий как согласие, так и отказ. Разновидностью этой реакции является коммуникатив + формула вежливости (0,18%), зафиксированная только среди реакций взрослого. В частных ТД адресат реагирует на предложение также сочетанием коммуникатива с ПП (1,87%) или коммуникативом (0,25%):

B: Man könnte sich ja vielleicht so ma. ne Stunde zusammensetzen wenn de Zeit has!

C: Ja, könnwer hier auch machen! [3, s. 159].

Еще одним универсальным прескриптивным стимулом, зафиксированным во всех трех типах интеракций персонального типа, являются ДРА ***побуждения***. Наибольшую частотность он обнаруживает среди директивных стимулов взрослого, адресованных ребенку (13,13%), ребенок инициирует несколько меньше побуждений (8,84%). В частных ТД по причине симметричных позиционных отношений коммуникантов побуждения составляют незначительную долю (3,43%). В разных типах интеракций побуждения предполагают реакцию разных типов. Так, ребенок реагирует на побуждения взрослого репрезентативом (ПП (1,16%) или сочетанием коммуникатива с ПП (0,34%)), оформляющим мотивированную негативную реакцию, а также коммуникативом (0,22%), вербализующим неконвенциональную реакцию — немотивированный отказ. Взрослый же реагирует на этот же стимул ребенка репрезентативом (0,53%), реализующим согласие или отказ, ДРА вопроса (0,23%) или побуждения (0,03%) с целью переадресации прескриптивного стимула. В частных ТД, где побуждения носят, как правило, шутливый характер, реакция адресата представлена обычно коммуникативом (0,49%) или сочетанием коммуникатива с ПП (0,39%).

От общих директивных стимулов, характерных для всех трех типов интеракций, перейдем к тем, которые были обнаружены лишь в отдельных из них: советы, приглашения, запреты, инструкции, предупреждения.

Советы занимают особое место в частных ТД (14%). В диалогах же «взрослый—ребенок» их процентная доля составляет всего 2,86%, среди директивных стимулов ребенка (вследствие более низкого статуса адресанта) советов зафиксировано вообще не было. На советы взрослого ребенок реагирует чаще всего ДРА вопроса (0,03%) или ПП (0,03%), так как смысл совета не очевиден для него в силу недостаточного жизненного опыта. В частных ТД наиболее распространенной реакцией адресата на советы является сочетание коммуникатива с ПП (1,56%), которое способно эксплицировать как репрезентатив (согласие), так и комиссив.

Приглашения в нашей выборке были обнаружены только в корпусе частных ТД (10,29%). На них адресат реагирует сочетанием коммуникатива с ПП, реализующим репрезентатив в качестве как положительной, так и отрицательной реакции.

Запреты же характерны только для диалогов с ребенком, причем среди директивных стимулов взрослого запретов (5,43%) значительно больше, чем среди стимулов ребенка (2%); в частных ТД запретов зафиксировано не было по причине равных позиционных отношений между коммуникантами. Запреты вызывают различную по содержанию реакцию адресата в зависимости от позиционных отношений коммуникантов. Реакции ребенка на запреты взрослого (ПП (0,09%)/коммуникатив + ПП (0,12%)) чаще всего носят негативный характер, что обусловлено периодом негативизма. В связи с этим ДРА запрета взрослого часто поддержаны аргументацией, что существенно повышает их эффективность. ДРА запрета ребенка в связи с его более низким статусом заканчиваются, как правило, коммуникативной неудачей, несмотря на правильный выбор средств выражения директивного стимула. Взрослый-адресат реагирует на них репрезентативами, реализованными ПП (0,04%) с целью переубедить адресанта.

Реакции на ***инструкции***, которые встретились нам только при анализе частных ТД (7,14%), представляют собой сочетание контактоподдерживающего коммуникатива с репрезентативом (ПП), содержащим в большинстве случаев цитацию (0,14%), или с ДРА вопроса (ВП) для уточнения директивного стимула (0,14%).

Что касается ***предупреждений***, директивных стимулов с наименьшей частотностью, то они продуцируются как адресантом-взрослым (2,84%), так и адресантом-ребенком (2,86%) примерно в равном соотношении. В частных ТД предупреждений зафиксировано не было. Возможные реакции на предупреждения в диалогах «взрослый—ребенок» включают ПП (0,03%) и вопросительные конструкции (0,03%), взрослый же реагирует на ДРА предупреждения ребенка исключительно ДРА вопроса (0,08%).

Таким образом, перечисленным ДРА адресанта в интеракциях персонального типа соответствуют 15 основных типов реакций: 1) повествовательное предложение (ПП); 2) ПП (эллипс); 3) коммуникатив; 4) коммуникатив + ПП; 5) коммуникатив + побудительное предложение; 6) восклицательное предложе-

ние; 7) коммуникатив + формула вежливости; 8) (коммуникатив) + вопросительное предложение (ВП); 9) ВП (эллипс); 10) имитация действия; 11) вокализация; 12) инфинитивная конструкция; 13) междометие; 14) нулевой РА; 15) клишированные фразы.

Следует подчеркнуть, что, в отличие от коммуникации с ребенком, речевое общение адресата с равностатусным собеседником в частных ТД носит исключительно конвенциональный характер и отвечает основным максимам конвенционального речевого поведения (максима позитивного отношения, максима снижения негативной реакции, максима скромности). Поэтому необходимым элементом конвенциональных негативных реакций на просьбу, приглашение, предложение является обязательная мотивировка отказа, снижающая его категоричность.

Что же касается общения собеседников, находящихся в асимметричных позиционных отношениях (взрослый—ребенок), то здесь максимы речевого общения довольно часто подвергаются нарушению со стороны адресата-ребенка (немотивированный отказ, демонстрация отсутствия желания выполнить каузируемое действие, нулевой РА), что связано с его недостаточной языковой и коммуникативной компетентностью, неосвоенностью тактики переспроса, а также с возрастными особенностями (период негативизма).

Институциональный дискурс представлен в нашем материале педагогическим (университетским) типом дискурса, анализируемым на примере вузовских консультаций, а также с медицинским дискурсом, для анализа которого были привлечены интеракции пациентов с медицинским персоналом и телефонные консультации с психологом.

Речевое общение в рамках институционального дискурса носит исключительно конвенциональный характер. Поэтому случаев нарушения максим речевого общения зафиксировано не было. Дополнительным фактором, блокирующим возможные неконвенциональные реакции, является фактор присутствия исследователя (факт записи интеракции).

Институциональные диалоги отличаются более единообразной и четкой структурой, адресат и адресант ограничены рамками определенной социальной роли, обусловленной типом института, что заставляет их подчиняться строгой логике и программирует реакции определенного типа. Спектр инициирующих реплик здесь гораздо уже, чем в интеракциях персонального типа дискурса. Следовательно, степень вариативности реактивных РА в институциональном типе дискурса также ниже, чем в персональном.

Здесь также наблюдаются большие различия в использовании директивных стимулов. Так, если типология директивных стимулов адресанта-консультируемого в ТД с психологом включает в себя только ДРА вопроса (100%), то для адресанта-психолога характерны ДРА совета (77,14%) и вопроса (22,86%), для адресанта-преподавателя в вузовских консультациях — ДРА совета (87,14%), вопроса (11,43%) и просьбы (1,43%), для адресанта-студента — ДРА вопроса (79,72%) и просьбы (20,29%), тогда как для адресанта-медсестры в интеракциях с пациентом — ДРА вопроса (94,29%), просьбы (1,71%), побуждения (1,43%), совета (1,14%) и предложения (1,43%).

Как видно из приведенного перечня, универсальным директивным стимулом, характерным для всех пяти типов проанализированных интеракций институционального типа, является ДРА ***вопроса***, наиболее часто фиксируемый в стимулирующих репликах адресанта-консультируемого в интеракциях с психологом (100%), адресанта-медсестры (94,29%) и адресанта-студента/ аспиранта (79,72%), что обусловлено целью данных интеракций.

Наиболее высокую частотность среди реакций психолога на вопросы консультируемого проявляет ДРА вопроса, вербализованный ВП (57,71%), что объясняется необходимостью уточнения психологом вопросительного стимула консультируемого. Консультируемый же (как в телефонных консультациях с психологом, так и в вузовских консультациях реагирует на эти уточняющие вопросы ПП (5,23% и 1,3%). Среди реакций преподавателя на вопросы преобладают ПП в функции репрезентативов (40,32%) и императивные конструкции (19,59%), вербализующие ДРА совета. Последний тип реакции характерен именно для консультаций и обусловлен целью интеракции. В интеракциях с медперсоналом пациент реагирует на вопросы сочетанием коммуникатива с ПП (32,07%) или ПП в полном (15,36%), а также в эллиптическом варианте (11,58%).

Интересно отметить, что для инициирующих ДРА вопроса в начальной фазе институциональных ТД наиболее характерны следующие модели:

– название учреждения + фамилия адресанта + приветствие *(praxis doktor schwarz dittmann schönen guten tag?)*;

– номер телефона адресанта *(vier vier eins sieben sieben sieben?)*.

Директивную иллокуцию (запрос о цели звонка) выражает вопросительная интонация, характерная для обеих моделей самоидентификации. Каждая из моделей диктует определенный тип реакции адресата: 1-я модель, являясь полным вариантом самоидентификации, предполагает ответное приветствие + репрезентатив (изложение цели звонка), а 2-я модель, представляя собой косвенный и неполный вариант самоидентификации, заставляет адресата совершать дополнительные коммуникативные шаги: ДРА вопроса (попытка полной идентификации адресанта).

Остальные виды директивных стимулов — советы, просьбы, побуждения и предложения — носят частный характер и обнаруживаются только в отдельных типах интеракций. Так, ***советы*** продуцируют чаще всего адресант-преподаватель (87,14%) и адресант-психолог (77,14%) в интеракциях-консультациях, в медицинских интеракциях их доля невелика (1,14%). В вузовских консультациях наиболее характерной реакцией студента/аспиранта на совет является контактоподдерживающий коммуникатив (23,4%) и ПП (21,41%). В ТД консультируемый чаще всего реагирует ВП (46,29%) и сочетанием коммуникатива с ПП (13,22%).

Что касается ***просьб,*** следующего по частотности типа ДРА, то они были зафиксированы преимущественно в составе инициирующих реплик адресанта-студента (20,29%) в вузовских консультациях. Преподаватель и медсестра прибегают к просьбам чрезвычайно редко (1,43% и 1,71%). Способ реагирования примерно одинаков: ПП или коммуникатив + ПП.

Равную частотность демонстрируют ***побуждения*** (1,43%) и ***предложения***

(1,43%), обнаруженные только в медицинских интеракциях. На побуждения пациент реагирует коммуникативом (0,01%) или сочетанием коммуникатива с ПП (0,01%), на предложения — сочетанием коммуникатива с ВП (0,02%).

Таким образом, в ходе анализа реактивных реплик на перечисленные директивные стимулы в интеракциях институционального типа дискурса было зафиксировано восемь возможных типов реакций: 1) ПП; 2) ПП (эллипс); 3) коммуникатив; 4) коммуникатив+ПП; 5) (коммуникатив) + побудительное предложение; 6) (коммуникатив) + ВП; 7) инфинитивная конструкция; 8) междометие.

Изучение закономерностей сочетаемости определенного типа стимула и реакции позволило выявить основные факторы, определяющие вариативность реакций: тип дискурса (персональный или институциональный), характер института (университет, стационар, кабинет психолога), тема и цель интеракции, возрастные и личностные особенности коммуникантов, их позиционные отношения, а также тип стимула (вопрос, просьба, побуждение, запрещение, предупреждение, совет, предложение) и способ его выражения.

Выявленные нами факторы взаимодействуют друг с другом и одинаково существенны в коммуникации. Они отражают суть любого речевого взаимодействия, вследствие чего правомерно говорить об универсальном характере этих факторов и о возможности их применения в исследовании других типов РА в разных сферах коммуникации.

Практическое значение работы заключается прежде всего в том, что полученные результаты могут быть применены в качестве лингводидактической основы для построения эффективной методики формирования коммуникативной компетенции при реагировании на директивные стимулы в практике преподавания немецкого языка, при разработке спецкурсов и спецсеминаров по актуальным проблемам современной прагматики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляева Е. И.* Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988. 33 с.

2. *Сёрль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986. С. 170–194.

3. *Brons-Albert Rh.* Gesprochenes Standarddeutsch. Telefondialoge. Tübingen: Narr, 1984.

4. *Klein W.* German Caroline Corpus / W. Klein [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://childes.psy.cmu.edu/data/Germanic/German.

REFERENCES

1. *Beljaeva E. I.* Modal'nost' i pragmaticheskie aspekty direktivnyh rechevyh aktov v sovremennom anglijskom jazyke: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1988. 33 s.

2. *Sjorl' Dzh. R.* Klassifikacija illokutivnyh aktov // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XVII: Teorija rechevyh aktov. M., 1986. S. 170–194.

3. *Brons-Albert Rh.* Gesprochenes Standarddeutsch. Telefondialoge. Tübingen: Narr, 1984.

4. *Klein W.* German Caroline Corpus / W. Klein [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: http://childes.psy.cmu.edu/data/Germanic/German.